Мнение Оленина о „Гимне Бояна Летиславу“, распространенное им среди знатоков, было решающим в разоблачении фальсификации Селакадзева.

На протяжении многих лет Оленин объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древнерусской письменности. До возникновения кружка Н. П. Румянцева (1814) группа палеографов и археографов, научным центром которой была возглавляемая А. Н. Олениным Публичная библиотека в Петербурге, и по количеству и по научной подготовке была первой в стране. В эту группу входили А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, к ней примыкали В. Г. Анастасевич, П. К. Фролов и ряд других лиц. В истории русской археографии и палеографии кружку А. Н. Оленина принадлежит огромная роль.

Следует отметить, что члены оленинского кружка немало внимания и сил уделяли изучению „Слова о полку Игореве“. „Слово“ изучал А. И. Ермолаев, который был „самовидцем“ рукописи древней поэмы и который определил ее как „написанную полууставом XV века“; ряд ценных замечаний о „Слове“ оставил после себя А. Х. Востоков, ученик и коллега А. И. Ермолаева по занятиям палеографией; „Словом“ занимался и В. Г. Анастасевич; поэтическая сторона „Слова“ привлекала внимание сотрудников Публичной библиотеки Н. И. Гнедича и М. Н. Загоскина.

Поддержка, которую оказывал А. Н. Оленин членам своего кружка в их занятиях над древней поэмой в первые годы после издания этого памятника, т. е. в обстановке слабого к нему внимания, сама по себе составляла большую заслугу А. Н. Оленина. Но Оленин не только покровительствовал младшему поколению „любителей древностей российских“, он вместе с ними разделял проникнутое научным интересом восхищенное и пристальное внимание к древнерусской поэме. Об этом непрекращающемся интересе Оленина к „Слову“ свидетельствуют, например, его, относящиеся к 1821 году, черновые наброски о мореходстве в древней Руси. Поводом к написанию этой обстоятельной и оставшейся ненапечатанной статьи послужило для Оленина чтение им „Истории“ Льва Дьякона. Приводим интересующий нас в этой статье отрывок:

„Соображая все сии места в греческих, русских и восточных писателях, можно несомненно заключить, что русские в X и XI веке других водоходных судов не имели, кроме однодеревных больших лодок, в то время лодьями и кораблями имянуемых, или, лучше сказать, огромных челнов с набитыми по краям бортами. Сии челны ныне в Малороссии дубами называются, а в великой России и в Сибири — насадами, набойницами или набойными лодками. Первое из сих имянований уже известно было не токмо при Никоне («Тако, — говорит он, — собравши ему лодки и насады». Никоновская летопись, 1, 333), но и писатели Древней Летописи и Слова о полку Игореве говорят: «Он же вниде в насад с сущими с ними»: Древняя летопись, 1, 158; «Ты (о Днепре) лелеял еси на себе Святославли носады...»: Песнь о походе Игоря. Москва, 1800, стр. 39“.[1]

В приведенном отрывке, как и ранее в „Письме о камне Тмутараканском“, Оленин пользуется древней поэмой для обоснования своих исторических взглядов.

О глубоком интересе к „Слову“ А. Н. Оленина свидетельствует также и его письмо к секретарю Российской Академии П. И. Соколову

[1] ГПБ, арх. Олениных, № 25, л. 81.